

УДК 908(470)672

Дзиговская Л.Н.¹

**ОБ УЧРЕЖДЕНИИ РАЙОНОВ ГОРОДА ТУЛЫ В ПЕРИОД ЭПИДЕМИИ ЧУМЫ
1771-1772**

Dzigovskaya L.N.

**ABOUT THE ESTABLISHMENT OF THE DIATRICTS OF THE OF TULA DURING
THE PLAGUE EPIDEMIC
1771-1772**

Аннотация. Трагические события в период эпидемии чумы в России в 1771-1772 годах выявили недочеты в деятельности городской административной системы. Исполнение новых законов, принятых «по случаю», сказалось положительно на реконструкции структуры городского хозяйствования, планировке жилых кварталов, формировании новой культуры быта.

Abstract: The tragic events during the plague epidemic in Russia in 1771-1772 revealed shortcomings in the activities of the city administrative system. The implementation of the new laws adopted "on occasion" had a positive impact on the reconstruction of the structure of urban management, the layout of residential quarters, the formation of a different culture of everyday life.

Ключевые слова: Чума, эпидемия, Тула, Тульская губерния.

Keyword: Plague, epidemic, Tula, Tula province.

История эпидемии чумы в России в 1771-1772 годах подробно изучена русскими и советскими исследователями. Составлена историография темы. В разные исторические и идеологические периоды развития общества рассматривались конфликты между народом и властью [2, 3, 6], религиозные мотивы бунта в Москве в сентябре 1771[6], проблемы здравоохранения в России [1], административной деятельности правительства [5].

В данном сообщении на основании статей ПСЗРИ, собрание 1-е, и документов, хранящихся в Государственном архиве Тульской области, собраны сведения о действиях администрации города Тулы и губернии в 1771–1772 годах.

¹ Дзиговская Людмила Николаевна, ГУ ГАТО, ведущий палеограф отдела научно-исследовательской и методической работы. Тел. 8-953-428-78-96. lyudmila.dzigovskaya@tularegion.org.

Действия правительства Екатерины во время эпидемии чумы 1770-1772 годов опирались на международный опыт и опыт предшествующих русских государей. Международной мерой безопасности при эпидемиях было создание карантинных домов. В карантинных домах на некоторое время задерживали проезжающих, подвергая наблюдению и санитарной обработке. Карантинные меры были жестокими и обременительными, но имели положительный результат. В России карантинные меры появились со времени чумы 1521 года.

В Манифесте правительствующего Сената от 9 сентября 1771 сказано: «Мы [...] предписали и учредили все те предосторожности, кои не только у нас, но и у всех просвещенных народов в подобных случаях с успехом всегда употреблялись и предками нашими не единожды установлены уже были, как то свидетельствуют между прочими строгие указы, 1738 года изданные, для отвращения, чтобы появившаяся тогда в российских пределах язва не распространялась» [8, с. 309]. В 1738 году чума появилась в Белгородской, Воронежской губерниях и в Средней Азии.

В середине 1770 года признаки эпидемии появились на юге России. Первым законодательным актом о мерах безопасности от «прилипчивой горячки» стал именной указ Екатерины II киевскому генерал-губернатору Ф.М. Воейкову от 27 августа 1770 о создании карантинных домов на проезжих из обеих армий (Польши и Турция) дорогах на самом краю границы, без большей огласки, чтобы не возбудить напрасного в публике беспокойства [8, с. 214].

По мере распространения эпидемии по границам Турции, Молдавии, Польши появляется указ запрещающий пересекать границы «по отверстым большим дорогам застав и карантинных домов» [8, с. 204]. Застава стала неотъемлемой частью карантина. Указом сената от 9 января 1771 года для безопасности обеих столиц учредили заставы в Серпухове, Коломне, Кашире, Боровске, Алексине, Калуге, Малом Ярославце, Можайске, Крапивне, Лихвине, Дорогобуже, на Гжатской пристани [8, с. 204].

Учреждались заставы и у самой Москвы. Желаящие провезти товары в столицу выдерживали шестинедельный карантин. В карантине всякий товар был «проветриван, а который возможно, то и окуриван порознь можжевельными ягодами или можжевельником ежедневно, как и самый хозяин по одному разу при захождении солнца» [8, с. 206].

В протоколах заседания Тульской провинциальной канцелярии за январь 1771 записано, что из Московской губернской канцелярии была получена инструкция о создании застав по дорогам Тульской провинции для лиц, едущих из действующей армии из Малороссии и из Польши. Учредили заставу на проселочной дороге, ведущей от городов Лихвина и Одоева на село Воскресенское. Дорогу, пролегающую через казенную Малиновую засеку,

перегородили лесом и от оружейной канцелярии приставили караул из засечных сторожей. В Крапивенском уезде у села Сергиевское у реки Плавы создали заставу, на которой дежурили выбранные от местного населения старосты и волонтеры («выборные охотские товарищи»). В Крапивенском уезде в селе Спасском, Сороченка тож, была застава, на которой задерживали разного звания людей [1, л. 45об.].

Согласно указам правительствующего Сената город Тулу окопали рвом, до конца 1772 оставались не перекопанными большие проезжие дороги: Московская, Алексинская, Елифанская, Киевская, Дедиловская/Воронежская, Калужская. При каждой большой дороге были заставы и штат военнослужащих [2, л. 79]. По Алексинскому тракту застава была в деревне Протопопово, по Венёвскому тракту в железном заводе Акулины Даниловой. В селениях назначили частных смотрителей из местных жителей, в уездах назначили ответственных из поместных дворян.

По Киевскому тракту дороги, мосты и перевозки от Серпухова до Тулы контролировал помощник воеводы, воеводский товарищ, коллежский асессор Николай Дятлов. Первого мая для осмотра Киевского тракта до Москвы ездил сам полковник и воевода Егор Скобельцын [1, л. 212]. На дороге от Тулы до Серпухова ремонтировали мосты и гати на казенный счет или на счет землевладельцев.

С 26 июля 1771 года в Туле был сформирован отряд дозорных, состоявший из 19 человек, в том числе 14 из них были от духовного правления. В обязанности дозорных входило ночное дежурство по городу [1, л. 394]. К отряду был причислен сын священника церкви во имя Живоначальной Троицы Анисима Андреева, Стефан Андреев. К концу 1771 года большая семья священника Андреева вымерла.

Записи в журнале Тульской провинциальной канцелярии за лето-осень 1771 года свидетельствуют о глубоком религиозном настроении жителей. В августе из Тульского духовного правления промеморией (сообщением) объявляли, что для моральной поддержки населения предписаны воскресные службы, с последующими крестными ходами к церкви Живоначальной Троицы и к Успенскому собору. По церквам Тульской провинции проходили воскресные службы, всенощные бдения, молебны, крестные ходы. В них принимал участие воевода Е. Скобельцын [1, л. 469].

Врачи были в дефиците. В августе в Тулу пришел запрос от московского генерал-губернатора И.И. Юшкова с просьбой прислать в Москву из Тульской провинции лекаря на партикулярном содержании. Тульская провинция ответила отказом, поскольку избытка медиков не было. В ведомстве провинциальной канцелярии состоял городской лекарь Элиас Ульман, который лечил жителей города и осматривал больных при карантинном доме. В ве-

домстве оружейной канцелярии состоял лекарь Андрей Минне [1, л. 454об.]. Только в октябре 1771 в Тулу командировали лекарского ученика Якова Рязанова. Три врача на всю провинцию.

Говоря об эпидемии чумы в Туле, непременно возвращаются к вопросу о захоронениях. Считается, что если в середине 1772 года отвели кладбища за городом, то там же хоронили умерших от чумы. Судя по документам Тульского государственного архива, от чумы погибали во второй половине 1771 года, к декабрю в Туле и в провинции заболевших уже не было. Кладбища отвели в течение 1772 года.

В 1771-1773 годах о каждом случае подозрительных заболеваний сообщали начальству, каждое найденное тело врачи осматривали на предмет выявления бубонной чумы, составляли рапорт, выдавали разрешение на погребение. По фонду ТОЗ сохранились многочисленные рапорты лекаря Андрея Минне об освидетельствовании найденных мертвых тел. Например. В январе 1772 на Петровской улице найден оружейник Зябрев, павший жертвой «зеленого змия», похоронен в поле в удобном месте [6, л. 12]. В октябре 1773 найдено тело оружейника Дикалова «...в Петровской улице, где полагались напреж сего сами от себя убийцы». Речь идет о Божьем доме в Петровской слободе, где хоронили закладных покойников. Осмотр тела свидетельствовал, что ранений никаких не имеется, признаков опасной болезни (чумы) нет, смерть произошла от пьянства. Покойный погребен в поле в удобном месте [7, л. 76]. К слову сказать, от пьянства и чахотки в Туле умирали значительно чаще, чем от чумы.

Умерших естественной смертью, не инфицированных, хоронили в 1772 при приходских церквях по особым «разрешительным билетам» от врача [6, л. 17]. Иноверцев хоронили в поле. На ТОЗ работали военнопленные турки. В ноябре 1773 один из них, будучи стар и болен, покончил жизнь самоубийством. Похоронили в отдаленном от города месте [7, л. 78].

В сентябре 1771 участники московского чумного бунта разбежалось по окрестностям. Правительство опасалось распространения мятежа по провинциям. В Тульскую провинциальную канцелярию прислали указ правительствующего Сената, о котором в протоколах сказано: «... указ о разъехавшихся из Москвы из подлого народа мятежникам и чтоб никто злодейския и возмущения и никаким ложным разглашениям не верил» [1, л. 480].

В Тульскую оружейную канцелярию прислали срочное распоряжение Сената: «иметь крепкое смотрение и примечание, не будет ли кто из подозрительных людей, как из казны, так и партикулярно у мастеровых покупать ружья, а особливо во множественном числе и буде таковые явятся, то не токмо им ружей отнюдь не продавать, но их самих, брав и за крепким караулом, присылать в Московскую губернскую канцелярию и в Сенат в то же

время рапортовать» [4, с. 88].

Приезжие из Москвы везли с собой непослушание и инфекцию. Первое упоминание о заболевших относится к 15 сентября 1771. В квартиру воеводского товарища коллежского асессора Николая Дятлова из Москвы явились три дворовых человека майора Мухоротова. Их поместили в карантинном доме, отведенном от городского магистрата, вероятно в том, что у речки Тулицы. Двое из них скончались в карантинном доме. Их освидетельствовал лекарь оружейной канцелярии Андрей Минне. Воеводский товарищ Николай Дятлов и его домочадцы остались здоровы.

В середине сентября выяснилось, что в карантинном доме при деревне Тулице для приезжих из Москвы места недостаточно. По указу Тульской провинциальной канцелярии поручику Скачкову ввели выселить из двух жилых домов законных хозяев, дома определили под карантин для проезжающих или проходящих из Москвы. Один из домов предназначался для дворян [1, л. 462об]. Содержавшиеся в карантине дворовые люди питались за счет казны, например, пять человек дворовых, принадлежавших помещику Александру Воейкову, шесть недель прожили на 1 руб. 90 коп. Судя по дальнейшим записям, на содержание каждого «карантинного» выделялось по 50 копеек на шесть недель. Шестой проезжий из дворовых помещика Александра Воейкова, Дементий Иванов, скончался, погребен в «удобном месте» в своей одежде, место погребения было огорожено, коляска в которой Иванов ехал и его сундучок сожжены, а железо и колеса от коляски зарыли в яму [1, л. 508]. У карантинного дома при деревне Тулице было кладбище для лиц, умерших в карантине от чумы (!).

В октябре в Туле на посадской стороне по Киевской дороге в Петровской слободе заболела семья оружейника Ефима Малевского. С 13 по 16 октября скончались: сам Ефим, сын Тимофей, жена Аксинья Никитина, все в отдаленном месте в поле похоронены, дом опечатали представители от магистрата, поставили караул, пожитки сожгли. Два сына Ефима Малевского и его теща остались невредимы, их поместили в бане карантинного дома и также приставили караул [1, л. 503об.]. Позже один из сыновей Малевского из карантина сбежал, его поймали на дороге, ведущей к Москве, и вернули в Тулу.

В ночь на 18 октября в тульском карантинном доме при деревне Тулице скончался дворовый человек капитана Ивана Сенявина. Судя по всему, кладбище при карантинном доме в деревне Тулице было немалым.

В журнале Тульской духовной канцелярии от 22 октября записано, что промеморией из Тульского духовного правления населению объявлено о заболевших в семье священника Андреева. При церкви Живоначальной Троицы действовала богадельня. Заболели четыре женщины в богадельне, сын иерея Анисима Андреева, Степан Андреев и его жена. Все на-

званные, проболев пять дней, с покаянием скончались с 17 по 21 октября [1, л. 514, 520, 540]. Умерших иерей скоропостижно схоронил, место погребения не названо.

Лекарю Андрею Минне указом предписали освидетельствовать жителей богадельни и в доме иерея Анисима Андреева, подозрительных в заболевании перевести в карантинный дом; дом иерея и богадельню забить и опечатать. Медицинский осмотр обитателей богадельни при церкви Троицкой не выявил внешних признаков заболевания, тем не менее, из богадельни никого не выпускали, приставили караул, пищу подавали «по карантинному обряду». К 1 ноября в семье Андреевых скончались: сестра Анисима Андреева, вдова Фёкла Андреева, и племянница девица Анна Иванова, которые при церкви Троицкой без погребения (?) зарыты. Предположим: имеется в виду погребение без церковного обряда. Лекарский ученик Яков Рязанов ездил осмотреть иерея Андреева и его сына Петра. Иерей Анисим и его сын Пётр оказались больны, их оставили в своем доме и приставили караул.

В начале ноября 1771 в двух купеческих домах в районе Троицкой церкви выявлены умершие от чумы. В первом – тульский купец Авраам Корековцев, во втором – купец Андрей Юрасов и его невестка. Дома забили и приставили караул, пожитки сожгли. У Авраама Корековцева остались: престарелая жена и малолетний сын. У Андрея Юрасова – престарелая жена с двумя малолетними детьми. Состояние их здоровья вызывало сомнения, все находились под наблюдением врача. Следует уточнить, что словосочетание «престарелая жена» следует считать лексической условностью.

В протоколе заседаний Тульской провинциальной канцелярии от 1 ноября 1771 года сказано: «тульским магистратом 22 числа августа определение между прочим положено, чтоб сколь скоро у кого тульских жителей в доме заболит или по власти Божией умрет, то объявили о том живущим на оружейной стороне лекарю Минне, а на посадской стороне Ульману, и кои явятся в опасной болезни, тех отвозить в особые места, умерших же, сохрани Боже от опасной болезни, с надлежащею ... предосторожностью *вывозя вон из Тулы во отдаленных от оной местах зарывать в глубокие ямы*» [1, л. 540]. Ни о каких погребениях на кладбищах речи не шло.

Ситуация с купцами Корековцевым и Юрасовым вышла из-под контроля. Лекарский ученик Рязанов из ведомства оружейной канцелярии, осмотрев умерших от чумы купцов, велел отвезти их для «зарытия». Погребение совершалось особой бригадой: десяцким под наблюдением сержанта полиции Рогожина. Как выяснилось, трупы не были погребены, их оставили близ Петровского питейного дома на проезжей улице в разных местах. Нашли их 2 ноября и нагими: «когда 2 числа сего ноября кои и видимы были, а некоторые уже без одежды, что может быть теми ли кто оных вывозил и оставил, или кем другим ограблены» [1, л.

540]. Мародерство – основной источник инфекции – было распространено.

В ноябре скончался служитель церкви Живоначальной Троицы Кондратий Андреев в своем доме (жил отдельно от Анисима Андреева), также в карантине скончался кирасир, также скончался дворовый человек воеводы Егора Скобельцына, – все похоронены в отдаленном месте в поле [1, л. 563об.].

В апреле 1772 в Туле подсчитали дома, в которых были заболевшие: семья оружейника Малевского, оружейника Василия Мусатова, тульского магистрата купцов дом Авраама Корековцева, Никиты (он же Андрей) Юрасова, Иегупа Васяткина, Петра Стехаева, седьмой – Троицкой церкви священника Анисима Андреева и церковника Кондратия Андреева [2, л. 78]. С 9 ноября 1771 умерших в Туле не было [2, л. 79об.]. Все погребены в поле, до обнаружения указа о захоронении на специально отведенных кладбищах.

В уездах дела обстояли не столь благополучно.

В Алексинском уезде, по сообщению воеводского товарища Солнцева, во время осмотра селений частным смотрителем выявлено, что в селе Егорьевском, в крестьянском доме за сутки пять человек скончались от чумы и похоронены в глубокие ямы, двор забили и через неделю сожгли [3, л.263-263об.]. К февралю 1772 заболевших не было.

В Венёвском уезде в вотчине помещика Игнатьева в деревне Иваново умерли от чумы крестьяне, количество не установлено [1, л. 498об.]. Оставшихся в живых 22 человека осматривал лекарский ученик Яков Рязанов. На одном мужчине, на женщине и на четырех детях выявлены признаки болезни. Остальные оказались здоровы и содержались отдельно от больных в лесу в отдельном карантинном шалаше [1, л. 504, 510-510об.]. Т.е. здоровых людей, в количестве 47 человек, из дворов, где были заболевшие, выселили в лес. Со временем власти одумались и по причине холодов решили здоровых оставлять в избах, а заболевших выселять в дальние бани или амбары. С 19 октября по 3 ноября деревне Иваново в карантине умерли 13 крестьян [1, л. 556об.].

В селе Алитово Венёвского уезда, вотчина полковника Василия Данилова, скончались 12 человек мужского пола, а в том же селе у корнета Николая Данилова умерла одна женщина. С 4 по 15 ноября в селе Алитово скончались двое взрослых, два мальчика [1, л. 545об., 556об., 572об.-573].

6 декабря 1771 из Венёвской канцелярии рапортовали, что в деревне Иваново, и в селе Алитово и в городе Венёве все обстоит благополучно, больных и умерших нет [1, л. 594об.].

В Елифанском уезде в селе Сергиевское, вотчина помещика Бутурлина, иерей Яков и его работник, будучи в селе Колодня, возвратились домой и на следующий день скоропо-

стижно скончались. Хоронивший их священник Алексей и его дьячек, жители села Мышенка Епифанского уезда, также скоропостижно умерли. Вскоре в доме священника Алексея и иерея Якова скончались: попадья, работница, в селе умерли две старухи [1, л.543-543об.]. С 17 по 22 ноября в селе Сергиевском умерли 12 человек [1, л. 597об.].

В Епифанском уезде в вотчине генерал-майора И.Р. Горчакова в селе Знаменское в конце октября скоропостижно умерли: священник Алексей, жена его, сын диакон Пётр и дочь Петра, Ирина, внук священника Алексея, две дочери их батрака, у сельского крестьянина две дочери [1, л. 557, 572об.].

В Крапивенском уезде в селе Васильевское, владелец помещик Андрей Сомов, в карантинном доме содержались два человека, прибывшие из Москвы, и 14 человек проезжающих разного звания, один крестьянин. Всех лекарь Ульман осматривал, признаков болезни не нашел [1, л. 502].

В Крапивенском уезде в селе Головлино, вотчина поручика Ивана Воронцова-Вельяминова, содержались в карантине Тимофей Петров и Петр Лаврентьев, скончавшиеся 9-10 октября 1771. При осмотре на умерших выявлены желтые пятна на нижних конечностях, на основании того оба схоронены в отдаленном от жилья месте со всеми предосторожностями [1, л. 502об.].

Дворовый человек князя С.Г. Урусова, Фадей Тютков, и при нем крестьяне, Фёдор Федотов и Андрей Фёдоров, 18 октября были задержаны в карантине, ехали в село Селиваново Крапивенского уезда. На следующий день Фёдор Федотов скончался от чумы, его спутники остались в карантине [1, л. 507об., 521об.]. 22 октября Фадей Семенов (он же Тютков) и Федор Федотов бежали из карантина.

Из Тульского уезда сообщили, что в селе Анненки, вотчина полковника Петра Грипкина, и в соседнем селе Прудное, владельцы Чулковы, в середине сентября человек 15 скончались скоропостижно, мертвых привозили к церкви днем и ночью, и без священника сами хоронили [1, л. 501об.] (!).

В октябре в сельце Злобинское Тульского уезда больные чумой три крестьянки скончались, их похоронили «в удобном месте в глубокой яме», дома забили досками.

В Тульском уезде в деревне Скоблево с 15 сентября по 15 ноября 1771 от чумы скончались семнадцать человек [5, л. 1]. Инфекцию привез из Москвы Александр Семенов, скончавшийся в доме старосты. Вещи умершего сожгли, похоронили у деревни Скоблево в глубокой яме. Через неделю заболели домочадцы старосты, вымерла вся семья, включая самого сельского старосту [5, л. 8-9].

В сентябре 1771 у села Богучарово Тульского уезда было найдено тело дьячка Ивана

Акимов. В сентябре 1771 он гостил в селе Акульшино, в доме дьячка Герасима Филиппова, хоронили жену Филиппова, умершую от чумы. Она приходилась дочерью Ивану Акимову. После похорон дьячек пошел в свой дом в село Богучарово. Владелец села, поручик Фёдор Хомяков, узнав, что Иван Акимов был в зараженном месте, выслал его из села. Акимов возвратился в село Акульшино к своему зятю и жил там более месяца. Присланный из Тульской провинциальной канцелярии поручик Скачков узнал, что к тому времени дьячек оказался болен, выслал его из села. Был уже ноябрь 1771. После того дьячка никто не видел [4, л. 5-5об.].

Исходя из перечисленных сведений, места погребений лиц, скончавшихся от чумы, рассеяны по всей губернии, в том числе и у приходских церквей, и у церкви Троицкой в Туле.

11 ноября 1771 года вышел Сенатский указ № 13696 «О предосторожностях от заразной болезни» [8, л. 371-373]. В нем говорилось, что умершие от чумы на обычных кладбищах не погребаются, но отводятся особые кладбища за городом на выгонных землях, при кладбищах соорудить деревянные церкви. Воеводам и губернатора предписывалось разделить города на части и определить в каждой по несколько человек смотрителей, которые бы контролировали обстановку и обходили дома жителей.

Благодаря предусмотрительной бдительности тульской администрации уже в июне город, разделенный на части, имел в каждой части своего частного смотрителя. Уезды также разделили на участки и определили из дворян частного смотрителя. Таковы исторические истоки частей (районов) города Тулы и других Российских городов.

По поводу действий правительства в тот период А.Г. Брикнер писал: «Никогда до этого в России не принимались столь обширные меры для борьбы с заразой, как в 1770 и 71 годах» [1, с. 653].

Указы во время чумы называют указами «по случаю». Они стали основой Устава пограничных и портовых карантин, Устава медицинской полиции, Врачебного устава.

Законодательство о кладбищах в России появилось намного раньше, чем в Европе. В Англии законодательство о кладбищах было выработано особою комиссией в 1843 году [7].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. ГУ ГАТО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 5994.
2. ГУ ГАТО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 6272.
3. ГУ ГАТО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 6283а.
4. ГУ ГАТО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 6540.

5. ГУ ГАТО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 6684.
6. ГУ ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 130.
7. ГУ ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 134.
8. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 19.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Брикнер А.Г. История Екатерины II. Т. III. Ч. IV-V. СПб. 1885.
2. Буганов В.И. Страницы летописи Москвы. Народные восстания XIV-XVIII вв. М. 1986.
3. Звягинцев Е. Чума в Москве в XVII и XVIII в.// Исторический журнал. № 2. М. 1937.
4. Сборник Русского Исторического общества. Т. 5. СПб. 1880.
5. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. Петроград. 1917.
6. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 29. История России в царствование императрицы Екатерины II. Т. 5. М. 1879.
7. Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. 15. СПб. 1895.

Рецензент: Самарцева Елена Игоревна – доктор ист. наук, профессор, ученый секретарь, Тульский государственный музей оружия.